

DOI: 10.31857/S013038640018555-8

© 2022 г. М.С. БЕЛОУСОВ

## ИНОСТРАННЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА: КЕЙС МЕЖДУЦАРСТВИЯ 1825 года

*Белюсов Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).*

*E-mail: m.belousov@spbu.ru*

*Scopus Author ID: 57196033720; Researcher ID: A-9587-2015; ORCID: 0000-0002-6646-3927*

*Исследование выполнено в рамках гранта № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бидермайера» Российского научного фонда.*

*Аннотация.* В предлагаемой статье рассматриваются события российского междуцарствия, предшествовавшего восстанию декабристов, как явления европейской политики, так как основное внимание сосредоточено на анализе донесений и рассуждений иностранных дипломатов из частной переписки и мемуаров о развитии династического кризиса и борьбе между великими князьями Николаем и Константином Павловичами. Сообщения дипломатов нередко становились известны не только политикам, но и журналистам. Опираясь на полученные факты, публицисты предлагали собственную достаточно часто более смелую интерпретацию причин и логики развития российского политического кризиса. Кроме того, исследование этого сегмента информационного поля дает возможность достаточно четко выстроить, какую мотивировку европейское общественное мнение приписывало поступкам Константина Павловича и его «странному» поведению в ноябре—декабре 1825 г. Реализация обозначенных векторов дает возможность иначе интерпретировать логику события, потрясшего весь Европейский континент, чем это было сделано в предшествующей историографии. Опираясь на широкий круг архивных и опубликованных источников, а также материалов французской прессы, определявшей в данную эпоху европейский политический дискурс, в статье показано, что ключевой проблемой, стоявшей перед Россией и Европой, в рассматриваемом кризисе был вопрос о возможном возникновении независимого польского государства под скипетром одного из Романовых.

*Ключевые слова:* Россия, европейские страны, Николай I, великий князь Константин, престолонаследие, декабристы, междуцарствие, дипломаты, пресса, общественное мнение, польский вопрос.

**M.S. Belousov**

### Foreign Observers of the Russian Political Crisis: The Case of the Interregnum of 1825

*Mikhail Belousov, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).*

*E-mail: m.belousov@spbu.ru*

*Scopus Author ID: 57196033720; Researcher ID: A-9587-2015; ORCID: 0000-0002-6646-3927*

*This research was supported by the grant № 21-78-10052 “From the Cadiz Constitution to the Petersburg Uprising: Transfer of Discourses, Ideas, Emotions in the Biedermeier Era” of the Russian Science Foundation.*

*Abstract.* The article examines the events during the Russian interregnum that preceded the Decembrist uprising as a phenomenon of European politics, focusing on analysing the reports and reasoning of foreign diplomats on the development of the dynastic crisis and the struggle between the Grand Dukes Nicholas and Constantine. These communications, on the one hand, determined the discussion of the Russian crisis in the press and could be used to interpret it. On the other hand, the study of this segment of the information field makes it possible to determine fairly accurately the motivation that European public opinion attributed to Constantine's actions and his bizarre behaviour in November–December 1825. This study takes a different approach to interpreting the logic of an event that shook the European continent than previous historiographical works have done. Drawing on a wide range of archival and published sources, as well as the French press which dominated European political discourse at the time, the author demonstrates that the key issue before Russia and Europe in the crisis in question was the possible emergence of an independent Polish state under the sceptre of one of the Romanovs.

*Keywords:* Russia, Europe, Nicholas I, Grand Duke Konstantin Pavlovich, interregnum, political crisis of 1825, European diplomats, European press.

19 ноября 1825 г. в небольшом городке на юге России умирает бездетный император Александр I. Линию наследников престола составляли его младшие братья — Константин, Николай и Михаил. Первый из них в момент постигшего империю несчастья находился в Варшаве *de jure* в качестве главнокомандующего польской армией, но *de facto* являясь наместником и верховным управителем Царства Польского. Около 7 часов вечера 25 ноября он получил известие о смерти императора и сразу же отказался от престола, запретил издавать манифест о восшествии и именовать себя «Ваше величество». Санкт-Петербурга горестное известие достигло около полудня 27 ноября. Великий князь Николай Павлович, едва выслушав курьера, ринулся в дворцовую церковь и присягнул старшему брату Константину. В течение последующих нескольких часов к присяге были приведены гвардейские полки и все высшие государственные органы.

Сложилась парадоксальная ситуация. Константин не хочет занимать трон, а вся империя уже принесла ему клятву верности. Николай просит старшего брата приехать в столицу или прислать официальное отречение. Константин отказывается сделать как первое, так и второе. В конечном счете, не получив никаких документов, Николай 13 декабря собирает Государственный совет и заявляет о собственном восшествии на престол. На 14 декабря назначается присяга новому императору. События именно этого дня придали семейной драме масштаб общеевропейского потрясения — в столице произошло восстание гвардейских полков под лозунгом «Да здравствует император Константин! И его жена Конституция!». Само по себе последовательное перечисление всех этих фактов создает впечатление чрезвычайно запутанной истории. Поэтому неудивительно, что в передовице французской газеты «Конститусьонель» мы находим емкую характеристику всего произошедшего: «Это одно из тех событий, истинные мотивы которого если и станут когда-либо известны, то скорее для будущих историков, чем для современных дипломатов»<sup>1</sup>.

Политическая неопределенность междоусарствия — так уже современники окрестили период между присягой Константину (27 ноября) и восстанием в Петербурге (14 декабря) — порождала целую бурю предположений, слухов, толков. Активно обсуждались сложившиеся обстоятельства, различные мнения и точки зрения, люди пытались каким-то образом спрогнозировать будущее. Поэтому, обращаясь к историческим источникам, мы стремимся их использовать не для реконструкции конкретного факта (это уже сделано), а фокусируем внимание на особенности восприятия, интерпретации описываемых событий и иногда неосознанных ремарках и оговорках. Обращение к изучению неформальных коммуникативных единиц дает возможность выявить сюжеты, которые находились в фокусе внимания населения и составляли актуальную повестку.

<sup>1</sup> Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 15.I.1826.

Следует отметить значительную информационную и дискурсивную разобщенность российского общества в указанный период, а следовательно, и необходимость рассматривать отражение событий междоусобицы дифференциально. В настоящей статье предлагается сфокусировать внимание на зарубежных дипломатах, находившихся в ноябре—декабре 1825 г. в российской столице. Эти люди хоть и представляли разные страны, но были схожи по социальному статусу, кругу общения, интересам и особенностям восприятия политического кризиса в иностранном государстве. К материалам их сообщений в качестве интерпретационного фона органично примыкают источники, связанные с российскими дипломатами, а также сообщения европейской прессы.

Обратим внимание, что рассматриваемый сюжет ранее изучался, но совсем не через призму истории идей и мировоззрений. Основной акцент был сделан на позитивистском источниковедческом анализе. И здесь ключевую роль сыграл внук Николая I великий князь Николай Михайлович. Он опубликовал донесения австрийского посланника Л. Леббельтерна, содержащие подробное изложение событий ноября—декабря 1825 г.<sup>2</sup> Правда, некоторые письма оказались либо недоступны, либо сознательно пропущены, поэтому наиболее полным изданием является публикация в журнале «Ле Монд слав»<sup>3</sup>. Представляя депеши Леббельтерна, Николай Михайлович подчеркивал, что он к началу междоусобицы провел долгое время в России в качестве посланника и, в том числе благодаря женитьбе на Зинаиде Лаваль, имел обширные связи при российском дворе, а значит был в курсе всего происходящего там<sup>4</sup>. К. Грюнвальд, рассматривая данную переписку, в первую очередь фокусировался на письмах австрийского канцлера посланнику, находя в такой их риторике новый виток развития мифологии о всеевропейском заговоре<sup>5</sup>.

Сообщения французских послов и посланников, и в частности донесения графа Ла Ферроне, второй половины царствования Александра I были также опубликованы великим князем Николаем Михайловичем<sup>6</sup>. С депешами, относящимися к междоусобице, можно либо познакомиться непосредственно в Архиве министерства иностранных дел Франции, либо в переводе и пересказе С.С. Татищева<sup>7</sup>. Сообщения Ла Ферроне о восстании и последующих встречах с новым императором были также опубликованы

<sup>2</sup> Донесения австрийского посланника при русском дворе Леббельтерна за 1816—1826 годы. СПб., 1913.

<sup>3</sup> Les rapports de l'ambassade d'Autriche à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Décabristes // *Le Monde slave*. 1926. Janvier-avril. P. 89—124, 293—315, 448—470. Русский перевод: Дипломатическое досье Л. Леббельтерна // *Невелев Г.* Декабристский контекст: документы и описания. М., 2012. С. 109—228.

<sup>4</sup> *Николай Михайлович, вел. кн.* Предисловие // Донесения австрийского посланника при русском дворе Леббельтерна. С. XIII—XIV.

Людвиг Леббельтерн и Сергей Петрович Трубецкой были женаты на дочерях Жана (Ивана Степановича) Лавалья — французского эмигранта, бежавшего в Россию из-за Французской революции и сделавшего блестящую придворную и дипломатическую карьеру. Состояние, статус и положение тестя открывали как перед австрийским дипломатом, так и перед лидером декабристов множество закрытых дверей.

<sup>5</sup> Grünwald C. de. L'Austriacisme et le décabrisme // *Le Monde slave*. 1938. Т. 1. № 2. P. 236—250.

<sup>6</sup> *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 428—538.

<sup>7</sup> Archives du ministère des Affaires étrangères de la France. Ambassade de France en Russie. Comte de La Ferronnays, ambassadeur. Correspondance politique. Russie en 1825. Vol. 169. Далее в тексте используется перевод С.С. Татищева: *Татищев С.С.* Воцарение императора Николая I. По неизвестным источникам Парижского архива министерства иностранных дел // *Русский вестник*. 1893. Т. 225. Март. С. 136—167; Апрель. С. 3—30; Май. С. 89—113. См. также: *Борщак И.К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата (по неизданным материалам) // *Парижский вестник*. 1925. № 69.

в «Ле Монд слав»<sup>8</sup>. Институциональному аспекту функционирования французской дипломатической миссии посвящено немало работ<sup>9</sup>. Но при этом говорить о содержательном анализе историками сообщений, касающихся событий периода междоусобицы, а не момента восстания, не приходится: наблюдения С.С. Татищева во многом продиктованы его консервативным мировоззрением, сочетающимся с симпатией к Франции<sup>10</sup>, а внимание П.П. Черкасова в основном сосредоточено на встречах между Николаем и французским посланником после восстания<sup>11</sup>. При этом интересна попытка французского историка П. Ангрена связать интерпретации петербургских событий, предлагаемые Ла Ферроне, и их восприятие во французской прессе и в среде правительственного истеблишмента<sup>12</sup>.

Послания английского дипломата П. Стрэнгфорда, официально занимавшего должность в ноябре 1825 — июне 1826 г., впервые были опубликованы и прокомментированы М. Лэнг Дэвидом<sup>13</sup>. Стоит также обратить внимание на замечания дореволюционного историка А. Александренко, работавшего с этими материалами<sup>14</sup>. В целом названные авторы фокусировали внимание на оценках событий 14 декабря, явно упуская из виду все им предшествовавшие. Перу супруги сотрудника британской миссии А. Дисброу принадлежит целый перечень писем и записок о событиях 1825 г.<sup>15</sup> Э. Кросс указывал на авторские особенности изложения, а именно на внимание к деталям и чрезвычайную эмоциональность<sup>16</sup>. Отметим, что, несмотря на отсутствие официального статуса, Анна Дисброу была в курсе событий дипломатического корпуса: она рассказывает о балах французского посла Ла Ферроне, своих симпатиях к дочери российского посланника в Пруссии Д.М. Алопеуса, нежелании знакомиться с женой посла в Вене Д.П. Татищева<sup>17</sup>. С сообщениями еще одного английского дипломата, лорда А. Лофтуса, работал, собирая различные слухи о смерти Александра I, Н.К. Шильдер<sup>18</sup>, но этот материал им так и не был введен в научный оборот.

Донесения американского представителя были в сокращенном виде опубликованы М. Раевым<sup>19</sup>, а позже в расширенном виде П. Бушковичем<sup>20</sup>. А.С. Панов предпринял

---

<sup>8</sup> Les rapports de l'ambassade de France à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Décabristes // *Le Monde slave*. 1925. Décembre. P. 447–472. Русский перевод: Петербургские депеши П. Лаферронэ // *Невелев Г.* Указ. соч. С. 65–108.

<sup>9</sup> См., например: *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006; *Гончарова Т.Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.

<sup>10</sup> *Котов А.Э.* Русские самодержцы на страницах трудов С.С. Татищева // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 1 (4). С. 142–154.

<sup>11</sup> *Черкасов П.* Восстание декабристов глазами французского посла // *Родина*. 2005. № 12. С. 78–82.

<sup>12</sup> *Ангрэн П.* Отголоски восстания декабристов во Франции // *Вопросы истории*. 1952. № 12. С. 98–116.

<sup>13</sup> *Lang D.M.* The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // *The American Slavic and East European Review*. 1949. Vol. 8. № 4. P. 262–274. Русский перевод: Донесения П. Стрэнгфорда // *Невелев Г.* Указ. соч. С. 229–233.

<sup>14</sup> *Александренко В.* Россия и Англия в начале царствования Николая // *Русская старина*. 1907. Сентябрь. С. 529–536. См. также: Strangford to Canning. № 8. January 5/17, 1826 // *Lives of the Lords Strangford* / ed. E.B. de Fonblanque. London, 1877. P. 155.

<sup>15</sup> *Disbrowe C.A.A.* Old Days in Diplomacy: Recollections of a Closed Century / with a Preface by M. Montgomery-Campbell. London, 1903; Подлинные письма из России, 1825–1828. СПб., 2011; Бумаги А. и Э. Дисброу // *Невелев Г.* Указ. соч. С. 234–254.

<sup>16</sup> *Кросс Э.* «Подлинные письма из России» в литературно-историческом контексте // *Подлинные письма из России, 1825–1828*. С. 18.

<sup>17</sup> Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 59–61.

<sup>18</sup> Дипломатические донесения лорда А. Лофтуса. Отрывок № 1 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 52 об.

<sup>19</sup> *Raëff M.* An American View of the Decembrist Revolt // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25. № 3. P. 286–293.

попытку проанализировать этот источник в контексте материалов американской прессы<sup>21</sup>. С одной стороны, указанные работы американских исследователей и историков-американистов расширяют источниковую базу изучения междоусарствия, а с другой — их аналитической части явно не достает вывода о крайне низком уровне осведомленности американского общества о событиях в России.

К анализу материалов испанского посланника Хуана Мигеля Паеса де ла Кадена обратились сразу же несколько исследователей<sup>22</sup>. События периода междоусарствия и восстания декабристов представлены в депешах № 134–171, которые не опубликованы и хранятся в Национальном историческом архиве Мадрида<sup>23</sup>. Ценность этих материалов сложно преувеличить. Конечно же, Паес де ла Кадена в отличие от Лебцельтерна и Ла Ферроне не имел обширных связей и не пользовался существенным влиянием при дворе. В рассматриваемых письмах он систематически делает явные ошибки в написании фамилий, улиц, а также очевидно путается в титулах, званиях и наименованиях полков, поэтому периодически дублирует их названия на французском. Но при этом в донесениях он достаточно подробно и скрупулезно описывал все увиденное, стараясь максимально точно передать происходящее. Именно этот статус стороннего наблюдателя позволяет нам, сопоставляя его данные с материалами дипломатов великих держав, верифицировать соответствие сообщений последних петербургским событиям.

Подводя итог настоящему обзору, отметим, что судьба сыграла злую шутку с этой группой источников о событиях декабря 1825 г. В силу особенностей хранения данные материалы были введены в научный оборот сравнительно поздно — к тому моменту, когда основные фактологические линии в историографии уже сформировались. Исследователи, работавшие с ними, были вынуждены заявить, что событийную историю они вряд ли могут дополнить. Отсюда представляется разумным сфокусироваться именно на языке, предположениях и предчувствиях, высказанных в депешах, т.е. не на том, о чем повествует исторический персонаж, а на том, из-за чего и как он переживает, когда рассказывает.

Итак, около полудня 27 ноября в Петербург пришла новость о смерти российского императора Александра I, давшая сигнал к началу династического кризиса. Н.Д. Потапова отмечала, что «публикации того времени свидетельствуют, что смерть Александра породила ожидания о возможных режимах власти, особенностях российской системы, о рабстве, абсолютном и относительном, рабстве крестьян и рабстве дворян»<sup>24</sup> и т.д. С этим тезисом достаточно сложно согласиться. Известие о смерти Александра I

<sup>20</sup> *Bushkovitch P.* Henry Middleton and the Decembrist Revolt // *Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA*. Vol. XXXVIII. New York, 2013. P. 131–156. Русский перевод: *Бушкович П.* Генри Миддлтон и восстание декабристов // *Родина*. 2015. № 4. С. 98–104; № 6. С. 98–103.

<sup>21</sup> *Панов А.С.* Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев // *Россия и современный мир*. 2018. № 1 (98). С. 39–46; *Его же.* Восстание декабристов в репрезентациях американских современников // *Революции и революционный дискурс в США*. Ч. 2. Имагология революции и дискурс идентичности. М., 2019. С. 124–135.

<sup>22</sup> *Юрчик Е.Э.* Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паес де ла Кадена // *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений — España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones* / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2018. С. 169–174; *Белоусов М.С.* Депеша испанского посла как источник по истории политической культуры междоусарствия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357–374; *Райнхардт Р.О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х.М. Паэса де ла Кадена в Российской империи (1824–1825) // *Научный диалог*. 2020. № 11. С. 466–476; *Его же.* Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 — early 1830: Protocol and Communication Aspects // *Былые годы*. 2021. № 16 (2). С. 641–651.

<sup>23</sup> *Archivo Histórico Nacional* (далее — АНН). Estado. Leg. 5919. Despacho № 134–171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09–1826.01.22).

<sup>24</sup> *Потапова Н.Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. С. 125.



достигло Парижа в середине декабря: первые публикации — это, как правило, небольшие (в два–три предложения) сообщения о произошедшем. Первый же крупный аналитический материал появился в «Журналь де Деба» только 19 декабря<sup>25</sup>, и там читателю предлагались размышления о роли Александра I в создании Венской системы. Риторика газетных публицистов была близка тому, что можно обнаружить в сообщениях дипломатов: основной фокус был наведен на влияние российских событий на международные отношения в Европе. Внутренние вопросы (крепостное право, военные поселения, гипотетическая конституция) являлись для зарубежных наблюдателей периферийными и второстепенными.

27 ноября петербургскому обществу был предложен достаточно странный спектакль. Члены высших государственных учреждений собрались в Александро-Невской лавре для участия в молебне во здравие Александра I. Аналогичная служба шла в церкви Зимнего дворца, но была прервана появлением курьера, который извещал о кончине императора. Узнав об этом, Николай, в нарушение всех правил и традиций, немедленно присягнул Константину и принудил к этому высшие государственные органы. Интерпретации событий этого дня мы находим в сообщениях иностранных дипломатов. В частности, Лебцельтерн сообщил, что еще за два дня до печальных известий «великий князь Николай открыто заявил о своих намерениях генералам Милорадовичу, Воинову и Потапову 25 ноября / 7 декабря, когда впервые тревожные новости стали поступать из Таганрога... И тогда великий князь Николай ответил им, что следует полагаться на Божественное милосердие и выздоровление императора, однако, если Небо рассудит иначе, прежде всего нужно будет признать его старшего брата Константина законным наследником и принести ему клятву верности»<sup>26</sup>. Еще раз следует подчеркнуть, что Лебцельтерн был близок с С.П. Трубецким, который о ходе всех этих совещаний узнал от Ф.П. Опочина. Таким образом, уже в самый начальный период междоусарствия иностранный дипломат зафиксировал, что в столице сложилась «партия» во главе с Николаем, крайне заинтересованная в присяге (пусть и в нарушение всех ритуалов) в пользу Константина.

Ла Ферроне предложил достаточно интересную интерпретацию причин возникновения династического кризиса: порядок престолонаследия определялся соответствующим указом Петра I, но Павел отказался от права назначать себе наследника документом, «имеющим вид прагматической санкции»<sup>27</sup>. В этой ситуации «император Александр не воспользовался важным преимуществом, предоставленным ему законом Петра Великого, ибо назначение его второго брата, великого князя Николая, и передача ему прав на наследование престола основаны лишь на нарочитом и добровольном отречении великого князя Константина»<sup>28</sup>, и в этой неопределенной ситуации судьба короны оказалась, согласно французскому дипломату, в руках высших органов, которым Николай приказал присягать в пользу своего старшего брата. Отметим, что представитель еще одной великой державы, великолепно осведомленный обо всех нюансах происходящего, подчеркивает определяющую роль Николая в присяге Константину.

От Лебцельтерна не ускользнул важный юридический нюанс, на который длительное время не обращали внимания историки: «после смерти Павла I, вне сомнения вследствие беспорядка первых минут, Александр, объявленный императором, принес ту же присягу, что приносили все его предшественники, и вся империя признала его право назначить наследника»<sup>29</sup>. Действительно, клятвенное обещание, прилагаемое к манифесту о восшествии на престол Александра I, содержит фразу: «его императорского величества

<sup>25</sup> Journal des débats politiques et littéraires. 19.XII.1825.

<sup>26</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 126.

<sup>27</sup> Татищев С.С. Указ. соч. С. 141.

<sup>28</sup> Там же. С. 142.

<sup>29</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 133.

всероссийского престола наследнику, который назначен будет»<sup>30</sup>. Суммируя эти мнения, получаем интересный вывод в интерпретации дипломатов: 1) павловский указ о престолонаследии являлся аналогом прагматической санкции, т.е. документом, не имевшим универсального характера; 2) манифест о восшествии Александра I однозначно позволял ему следовать указу Петра I — своим решением назначить наследника; 3) несмотря на все эти обстоятельства, Николай как законно назначенный наследник вопреки всякой логике присягает Константину.

Испанскому дипломату не было известно об этих нюансах. Он просто передал картину, увиденную им: «После того, как в Государственном совете был вскрыт запечатанный пакет, состоялось короткое обсуждение, и в результате была направлена депутация к великому князю Николаю, чтобы сообщить ему содержание и пригласить обсудить распоряжения, касающиеся его выполнения. Великий князь их принял и послал генерала Милорадовича остановить Совет и заявить от его [Николая] имени, что он чрезвычайно далек от того, чтобы принять их предложение; что считает себя несоответствующим тому, что требуется для такой могущественной империи; и что он только что принес необходимую присягу своему старшему брату Константину как императору и просит сделать их то же самое и уже отдал распоряжения об этом полкам, находящимся под его командованием»<sup>31</sup>. В этом сообщении Паес де ла Кадена в точности передает: Государственный совет сообщил Николаю, что он является законным наследником, а тот в ответ потребовал присягать Константину.

Сообщение испанского посланника подтверждает Анна Дисброу, лично не присутствовавшая во дворце, но находившаяся в дружеских контактах с многими видными вельможами: «служба только началась, как пришло роковое известие. Великий князь отправился в часовню, остановил службу... Великий князь был первым, кто присягнул императору Константину, хотя... (мне лучше не следует затрагивать политику)»<sup>32</sup>. Последняя ремарка особенно замечательна, так как указывает, что даже у совсем не разбиравшейся в политике эмоциональной женщины возникли сомнения в происходящем. Это и заставило ее остановить изложение, ведь данное сообщение являлось частной перепиской и не шифровалось.

Стоит также обратить внимание на мнение известного русского дипломата и банкира А.И. Рибопьера. В мемуарах он сообщает: сразу же после первой присяги (27 ноября) его дети заболели скарлатиной, что заставило его уйти в вынужденную самоизоляцию. Единственными конфиденциантами Рибопьера стали граф Ла Ферроне и генерал И.В. Васильчиков. Глазами первого он наблюдал за всем происходящим, зафиксировав наблюдение «за борьбой между братьями, борьбой великодушной, но пагубной»<sup>33</sup>. Можно предположить, что Рибопьер не считал, что, присягнув Константину, Николай хотел именно старшего брата видеть российским императором. Приведенные свидетельства заставляют нас сфокусировать пристальное внимание на событиях 27 ноября.

М. Кучерская отмечала, что Николай «не желал прослыть захватчиком престола, вместе с тем он и не смог бы его захватить — Милорадович, а значит и вся военная власть Петербурга, был не на его стороне»<sup>34</sup>. Мы видим в этой интерпретации следы концепции Я. Гордина о принуждении генерал-губернатором Милорадовичем великого князя Николая к присяге, но исследователи уже обратили внимание на ряд моментов, которые указывают на ошибочность подобного прочтения. Трудно не согласиться с мнением Т.В. Андреевой, которая писала о существовании у Николая определенного плана

<sup>30</sup> Манифест от 12 марта 1801 г. «О кончине императора Павла I и вступлении на престол императора Александра I» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. СПб., 1830. С. 583.

<sup>31</sup> ANH. Estado. Leg. 5919. Despacho № 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 22.

<sup>32</sup> Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 63.

<sup>33</sup> Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 14.

<sup>34</sup> Кучерская М. Константин Павлович. М., 2013. С. 186.

поведения в династическом кризисе и о том, что «присяга цесаревичу рассматривалась как составная часть плана»<sup>35</sup>. Мы уже подчеркивали: Николай четко осознавал, что его путь к легитимному правлению лежит через восшествие на престол Константина и его же немедленное отречение<sup>36</sup>. 27 ноября Николай, принудив всю высшую бюрократию и гвардию к незаконной (согласно сложившейся традиции) присяге, продемонстрировал старшему брату, что он полностью контролирует как имперскую государственную машину, так и ситуацию в столице.

Подобное положение Константин не мог не воспринимать как угрозу для собственной жизни в случае его появления в столице: 24 года назад братьям Зубовым и Санкт-Петербургскому генерал-губернатору П.А. Палену ничто не помешало расправиться с его отцом — Павлом I. По крайней мере французские газеты озвучивали саму возможность появления подобных опасений, ведь Константин «не забыл о несчастье своего августейшего отца, о его трагическом конце, и поэтому он подчинится»<sup>37</sup> Николаю. Тем более все эти обстоятельства максимально четко соотносились со страхами Константина. Основной источник угрозы по отношению и к существующему порядку, и к себе конкретно он видел в имперской гвардии. Как вспоминал принц Евгений Вюртембергский, посетивший Константина незадолго до наступления междуцарствия: «В Варшаве великий князь Константин Павлович, по обычаю своему, воевал с призраками. Он наскзал мне кучу ужасов о мятежном настроении русских войск, и в особенности гвардии»<sup>38</sup>.

Обратим внимание, что современники, в частности английский дипломат, приписывали похожий образ мысли покойному императору Александру: «По-видимому, императору Александру тайно сообщили, что против него составлен заговор и что решено схватить его на возвратной дороге из Москвы в Петербург, вообще весь заговор в том же роде, как тот, посредством которого умертвили императора Павла... Однако была ли эта опасность действительная или только воображаемая. Но государь действовал»<sup>39</sup>. Тем временем европейские дипломаты подчеркивали спокойствие, царившее в Петербурге. Но, несмотря ни на что, аллюзии на саму возможность реализации какого-либо насильственного сценария появлялись. Паес де ла Кадена писал: «Нет ни одной внешней причины для беспокойства», так как любой инцидент (наподобие того, что было в Испании, Италии и Португалии) «не смог бы пошатнуть колоссальную власть и силу этой империи»<sup>40</sup>.

Возвращаясь к Евгению Вюртембергскому, подчеркнем: ему особенно запали в душу слова, что стоит только «кинуть брандер» в Преображенский полк, как все всплменится. И этой тревожной ситуации в имперской столице Константин противопоставлял спокойствие в Варшаве: «своих я держу крепко»<sup>41</sup>. Стоит отметить, что сразу же после этого Вюртембергский отправился в Петербург и не мог не привезти с собой это ощущение незыблемости позиций Константина в Варшаве. Риторика племянника императрицы удивительно совпадала с мнением всесильного австрийского канцлера князя К. Меттерниха, писавшего Лебцельтерну: «Вы, таким образом, должно быть, знаете, что движение поляков в пользу их отделения от России было сильным. Но присутствие

<sup>35</sup> Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой четверти XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 567.

<sup>36</sup> Белоусов М.С. Незамеченный дворцовый переворот // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 79–97.

<sup>37</sup> Journal des débats politiques et littéraires. 14.I.1826.

<sup>38</sup> Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского (моя поездка в Россию в 1825 г. и петербургский заговор) // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 105.

<sup>39</sup> Дипломатические донесения лорда А. Лофтуса // ОР РНБ. Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 53.

<sup>40</sup> AHN. Estado. Leg. 5919. Despacho № 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 29–30.

<sup>41</sup> Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского... С. 105.



великого князя в Варшаве сохранило внешнее спокойствие, но призывы в пользу отделения звучали настолько, что они могли быть услышаны»<sup>42</sup>.

Итак, для всех заинтересованных сторон Польша представлялась очагом возникновения возможной смуты. Здесь следует вспомнить и о доносах на многочисленные польские патриотические общества<sup>43</sup>. Польшу как источник потенциального взрыва воспринимали и Меттерних, и Константин, и наверняка Николай. Но Россию и Европу от нового мятежа защищал великий князь Константин, «державший крепко» поляков. В этих обстоятельствах последний мог, как минимум, рассчитывать на сохранение status quo: Николай наследует корону, Константин сохраняет свое положение в Польше. При этом М.А. Кучерская утверждала обратное, подчеркивая, что Константин стал тяготиться со временем статусом цесаревича: «Теперь, при Николае, говорил Константин, он готов остаться служить в той же должности, если же императору это будет неудобно, он удалится от дел и проживет частным человеком»<sup>44</sup>.

Но в письме Ф.К. Нессельроде, адъютанта Константина, мы читаем прямо противоположное: великий князь, «демонстрируя свою преданность», просит «с учетом его 30-летней службы оставить ему титул цесаревича, которым он дорожит как предметом, полученным от отца, и сохранить за ним командование, которое он исполнял ради удовлетворения успшего в течение 10 лет»<sup>45</sup>. Следует отметить: сохранить «все как есть» это лишь программа минимум. В этом контексте интересен эпизод, приводимый многими исследователями. Речь идет о попытке принести присягу Константину как императору в Варшаве без его ведома<sup>46</sup>. М.А. Кучерская в этом сюжете отмечает явно польский акцент: «Цесаревича вопреки его воле хотели возвести на престол приближенные, надеявшиеся на его милостивое по отношению к Польше и к ним самим правление»<sup>47</sup>.

Одним словом, ни Константин, ни его окружение не были готовы отказаться как минимум от сохранения status quo. В этом контексте присяга, принесенная Николаем без манифеста Константина, являлась явно недружественным актом, актом борьбы за престол. Константин в своем стремлении сохранить Польшу готов был пойти на не менее недружественный шаг: «Он отдал секретный приказ держать наготове его экипаж и 10 000 империалов наличными — и не для того, чтобы поехать в Петербург, а отправиться за границу — представьте себе, какие последствия это могло бы иметь»<sup>48</sup>. В случае реализации данного замысла фактически повторился бы случай царевича Алексея, а значит, и следующие за ним страхи: пока в России правит самозванец, законный монарх находится в Европе, но может опереться на любую из держав для защиты своих прав.

Но события так и не заставили Константина реализовать такой план. Он избрал не менее болезненный для Николая сценарий: отказывался как приехать в Петербург, так и прислать письменное отречение в соответствующей форме. Чем, безусловно, поставил Николая в двусмысленное положение и дестабилизировал ситуацию в столице. Николай, прекрасно осознавая это, писал: «Как выйти из затруднения, опаснейшего в своих

<sup>42</sup> Lettres de Metternich à Lebzeltern (Vienne, ce 10 janvier 1826) // Донесения австрийского посланника при русском дворе Леббельтерна. С. 317.

<sup>43</sup> Рапорт сенатора Новосильцова // К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг. Варшава, 1898. С. 3–80. См. также: Любезников О.А. Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 117–142.

<sup>44</sup> Кучерская М. Указ. соч. С. 200, 202.

<sup>45</sup> La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode (Varsovie, 12 decembre (vieux style), 1825) // Lettres and papiers du chancelier Comte de Nesselrode. T. VI. 1819–1827. Paris, 1908. P. 230.

<sup>46</sup> Любезников О. Во главе «константиновской партии»: Николай Новосильцов во время междоусобицы // Родина. 2013. № 5. С. 82–83.

<sup>47</sup> Кучерская М. Указ. соч. С. 191.

<sup>48</sup> La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode... P. 231.

последствиях, и которым, как мы видим, заговорщики весьма хитро воспользовались»<sup>49</sup>. В приведенной фразе четко обозначается взаимосвязь в мировосприятии Николая между отсутствием отречения Константина, нерешенности вопроса о престоле и гипотетическом выступлении тайного общества, страх перед которым был неотъемлемой составляющей доминировавших в правительственной среде конспирологических нарративов.

Эту «троцкистскую» линию поведения Константина Т.В. Андреева интерпретировала не каким-либо расчетом, а эмоциональной реакцией: «Оскорбленный “самодержавным” поведением Николая и потому не желавший никак ему помочь, Константин намеренно сидел в Варшаве, позволяя событиям развиваться по непредсказуемому сценарию»<sup>50</sup>. М.А. Кучерская назвала весь перечень традиционных отговорок Константина, но также не объяснила однозначно, почему Константин не желал дать отречение<sup>51</sup>. Вновь обратим внимание на письмо Ф.К. Нессельроде: «Возможно, это заставит его сделать отречение по форме... Вот чего он боялся больше всего, и почему? По соображениям, что он как экс-император не сможет больше командовать Литовским корпусом и оставаться на том месте, которое занимал»<sup>52</sup>. В контексте этой реплики становится совершенно понятной линия Константина: если он признает петербургскую присягу 27 ноября и даст отречение по форме, то из великого князя и цесаревича он перейдет в категорию экс-императора. В России был только один пример императора, отказавшегося от короны, — дед Константина Петр II. Европейские публицисты находили иную визуализацию подобного развития событий: самыми упоминаемыми примерами можно считать Диоклетиана и Карла V. Одним словом, какими бы паттернами не мыслил Константин, выбор ему оставался незавидный: либо почетное изгнание, либо смерть. Но сохранение власти над Польшей добровольное формальное отречение никак не подразумевало.

Однако эти возможные сценарии развития событий для широкой публики возникнут чуть позже. Первой реакцией была попытка угадать, кто же из братьев займет престол: предполагали, как изменится двор, политика, рассуждали о преимуществах и недостатках характеров каждого из претендентов<sup>53</sup>. Обратим внимание, что дипломатические круги рассматривали эту проблематику исключительно через призму изменения внешнеполитического курса. Американский посланник Генри Миддлтон писал: «Нет сомнений в преобладающей популярности Константина, особенно среди армии и общества. Некоторые придворные и представители знати уверенно склоняются в сторону Николая, главы иностранных миссий имеют те же предпочтения. Они уверены, что нынешний политический курс будет им продолжен, в то время как таланта и эксцентричности Константина они боятся. Его имя ассоциируется у них со столицей Турции, а всем известная любовь Константина к языку и обычаям греков не предвещает для них ничего хорошего»<sup>54</sup>. В этой реплике мы видим, что даже крайне далекий от восточного вопроса представитель США ассоциирует гипотетическое правление Константина с более агрессивной внешней политикой в отношении Турции. Наверное, это один из редких примеров, где как раз четко сработало воспоминание о греческом проекте Екатерины II.

Прямо противоположной была позиция более компетентного политика и дипломата (наверное, самого компетентного) — канцлера Меттерниха. В изложении Д.П. Татищева, симпатии венского двора и конкретно всесильного князя были на стороне Константина. Он был убежден, что взгляды цесаревича не позволят ему начать войну с Грецией

<sup>49</sup> Записки Николая I о вступлении его на престол // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов... С. 18.

<sup>50</sup> Андреева Т.В. Указ. соч. С. 575.

<sup>51</sup> Кучерская М. Указ. соч. С. 193.

<sup>52</sup> La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode... P. 232.

<sup>53</sup> Потопова Н. Д. Указ. соч. С. 131–138.

<sup>54</sup> Bushkovitch P. Op. cit. P. 137.

в случае восшествия на трон<sup>55</sup>. Причем эти симпатии не ограничивались исключительно плоскостью внешнеполитических вопросов: Константин ассоциировался с сохранением консервативного курса, а Николай, как это ни парадоксально, был заподозрен в симпатии к либеральным политикам, ведь «полученные некогда сведения о том, какой прием император, будучи в ту пору великим князем, оказал в Берлине генералу Гнейзенау и другим лицам, являвшимся приверженцами тех же принципов, внушили канцлеру совершенно необоснованное беспокойство»<sup>56</sup>. Стоит коротко отметить, что общественное мнение ассоциировало Гнейзенау с деятельностью прусского патриотического общества Тугенбунд<sup>57</sup>.

Сходной с австрийским канцлером позиции придерживалась острая на язык супруга канцлера российского М.Д. Нессельроде. Она, говоря про Николая, утверждала, что «в его царствование дышалось бы легче... и каждый имел бы больше личной свободы, чем это было бы под властью того князя, восшествие которого ожидается в ближайшие дни и которое можно было бы сравнить с деспотическим ураганом»<sup>58</sup>. Возможно, подобная позиция была связана со страхом увольнения с должностей всех ключевых деятелей александровской администрации. Лебцельтерн сообщал Меттерниху: «Как и российская аристократия, ход административных процессов и дел в этой империи подверглись бы большим усовершенствованиям, однако страдали бы личности, и министры — конечно же, были бы смещены, хотя и не сразу; без сомнения, вскоре был бы призван, чтобы играть большую роль, барон Моренгейм»<sup>59</sup>. Здесь снова необходимо отметить, что австрийский дипломат перемены на троне рассматривает в контексте внешнеполитического курса, называя будущим *de facto* премьером П.О. Моренгейма, бывшего поверенного в делах при правительстве Жозефа, посла в Константинополе, руководителя специальной миссии в Берлине.

К середине первой декады декабря напряжение стало нарастать: все чаще стал звучать вопрос о причинах отсутствия только что провозглашенного императора в столице. Город стал наполняться толками. Отметим, что в разных слоях населения эта интерпретация оказалась различной. В крестьянской и солдатской среде стала формироваться легенда о «добром царе» Константине и злых узурпаторах<sup>60</sup>, но в дипломатическом обществе указанный сюжет приобрел совершенно другое звучание.

Существующую невысказанную напряженность очень точно передает Анна Дисброу: «Новый император пока еще не прибыл. Ходит великое множество разнородных слухов, но мне эту тему лучше не затрагивать, потому что хотелось бы отправить это письмо с первой почтой»<sup>61</sup>. То, что не могла написать жена служащего английской миссии в частном письме, в зашифрованной депеше объявил испанский посланник Паес де ла Кадена: «Если он [Константин] будет настаивать на отказе [от престола], мне не кажется, что он сможет прекратить удерживать как минимум царство Польское, которым уже столько лет счастливо правит; и, как только он столь великодушно уступит свою империю, неотвратимым последствием этого может стать независимость этого царства, руководить которым он бы продолжил, будучи естественным образом с ним связан,

<sup>55</sup> Д.П. Татищев управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 2. Т. 6 (14). М., 1985. С. 330.

<sup>56</sup> Там же.

<sup>57</sup> Дело князя С.П. Трубецкого // Восстание декабристов: материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 25. См. также: *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. С. 370.

<sup>58</sup> 14 декабря 1825 г. в письмах графини М.Д. Нессельроде // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 267.

<sup>59</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 148.

<sup>60</sup> *Рахматуллин М.А.* Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1828 гг. // Феодализм в России. Сборник статей, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

<sup>61</sup> Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 64.

и которое ему столь дорого; со времен раздела этого царства прошло еще не так много времени, патриотизм и независимый дух его жителей издревле известен и за короткое время мог бы воодушевить те провинции и земли, которые входили в него до его расчленения и которые желают снова объединиться под властью того же самого правителя»<sup>62</sup>.

Приведенная фраза материализует страхи имперского истеблишмента: у поляков продолжает сохраняться сильнейшее устремление к созданию собственного самостоятельного государства. Но при этом Паес де ла Кадена дословно повторяет риторику Константина: он счастливо управляет поляками, он единственный, кто может обеспечить существование пророссийской Польши. И, конечно же, испанский дипломат говорит о сделке между братьями: Константин уступает империю, но получает в качестве компенсации желанную корону новой Речи Посполитой. Естественно, было бы абсурдным предполагать, что испанский посол мог быть знаком, по крайней мере в этот момент, с частной перепиской Константина или его адъютантов. Скорее можно утверждать, что Паес де ла Кадена озвучивает то, что было у всех на устах. Он предлагает самую очевидную для мировосприятия людей его круга интерпретацию развития кризиса.

Симптоматично, что и австрийский посланник Лебцельтерн пишет о том же: «Поползли гнусные слухи о том, что император Константин захвачен поляками, что великий князь Константин отказался от императорской короны, однако что он просит польского трона, присоединения к Польше Литвы, Валахии и Подолии, что он высказывает все свое пренебрежение к русским, не принимая их воли и не приезжая в Санкт-Петербург, компрометируя Сенат и Государственный совет и не отвечая никому; с другой стороны, распространился слух, что виной все откладываемого приезда императора Константина — сплетенный во дворце заговор, что его поставили в такие обстоятельства, что он вынужден настаивать на своем отречении, что Аракчеев вошел в милость у великого князя Николая и так далее»<sup>63</sup>. Данное сообщение содержательно близко реплике Паеса де ла Кадены, но здесь сконцентрирован целый набор популярных для того периода предчувствий. «Константин схвачен поляками» — тезис, характерный для солдатской среды: здесь очевидно постулируется концепт о «добром царе» и украденном у него царстве.

Дальше Лебцельтерн начинает противоречить сам себе: Константин хоть и схвачен поляками, но просит польского трона. Сложно выдвигать подобные претензии, являясь пленником. Это еще раз подтверждает тезис, что он передает конгломерат мнений. Итак, второй слух: Константин получит корону расширенной в границах Польши. Здесь прочитывается концепт возможной сделки между братьями. Но Лебцельтерн говорит не просто о независимой Польше для Константина, он добавляет к этому присоединение к ней новых территорий. Что является отсылкой к прежнему плану Александра еще 1817 г. — включить в состав Польши западные губернии, — к плану, против которого активно протестовали декабристы<sup>64</sup> и Карамзин<sup>65</sup>; к плану, к которому, как показал Н.К. Шильдер, Александр вернулся в мае 1825 г. Он, посетив Польшу, «под влиянием вынесенных благоприятных впечатлений возобновил прежние обещания относительно своего неизменного намерения присоединить к Польше западные губернии»<sup>66</sup>. Это достаточно быстро стало достоянием европейской прессы, в частности газеты «Журналь де Деба»: «В Варшаве ходят слухи, которые, однако, мало заслуживают доверия, что

<sup>62</sup> AHN. Estado. Leg. 5919. Despacho № 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 27.

<sup>63</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 144.

<sup>64</sup> Сафонов М.М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: актуальные направления исследования. СПб., 2014. С. 84–98; Blackwell W.L. Russian Decembrist Views of Poland // The Polish Review. 1958. Vol. 3. № 4. P. 30–54.

<sup>65</sup> Black J. Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

<sup>66</sup> Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 334.

провинции Литвы будут возвращены Польше и что это королевство впоследствии перейдет в наследство великому князю Константину»<sup>67</sup>.

Третий пласт, на который стоит обратить внимание, — игнорирование высших государственных органов. Дело в том, что после осуществления присяги министр юстиции генерал-прокурор Д.И. Лобанов-Ростовский направил великому князю Константину постановление Сената о проведении присяги ему как императору. Константин заявил в ответ «о непринятии Его Высочеством отправленного им министром юстиции минувшего ноября 27<sup>го</sup> дня рапорта»<sup>68</sup>. Все пакеты, адресованные «Его Императорскому Высочеству», он демонстративно возвращал невскрытыми. Таким образом, Константин проигнорировал решение Государственного совета, Сената и Синода о возведении его на престол. Но сделал это из-за того, что в придворной среде возник заговор (здесь можно вернуться к прежним репликам Лебцельтерна), который заставил Константина отказаться от трона.

Канцлер Меттерних по данному поводу прозорливо заметил: «Как только нежелание этого князя, спустившегося с имперского трона, получило огласку, возможность, что он захочет взять на себя исключительно польскую корону, объединила все устремления общества. Я Вам предоставляю в секретном письме, прикрепленном к этому, доказательства, что слух разнесся далеко, и я не сомневаюсь, что мы увидим, как он отзовется во французских и английских газетах»<sup>69</sup>. Иными словами, Меттерних однозначно отмечает, что центральный нерв событий междоусобия связан напрямую с разрешением польского вопроса и обсуждение этого сюжета займет все передовицы европейской прессы.

В рассматриваемую эпоху Петербург и Париж разделяли не только часовые пояса, но также 12 дней между юлианским и григорианским календарями, а кроме того, примерно две недели пути по сухопутному маршруту. Например, новости о восстании 14 декабря в Париже появились 10 января<sup>70</sup>. Поэтому, соотнося то или иное событие в России и дату публикации о нем во французской газете, стоит вычитать примерно 26–28 дней. Отсюда несложно оценить, что сообщение от 19 декабря касательно ухода из жизни российского императора, случившегося 19 ноября, можно считать практически мгновенной реакцией. И первые ожидания, первые впечатления, первые предчувствия оказались направлены прежде всего на международные дела: «Его смерть может стать источником величайших событий в Польше, в Греции, во всей Европе. Знаем ли мы, урегулировано ли и обеспечено ли престолонаследие? Смогут ли поляки получить отдельного короля?»<sup>71</sup>. Обратим внимание, что 19 декабря в Париже еще не знали о нарушении Николаем порядка и самовольном принесении присяги старшему брату. Серьезная игра между братьями еще не началась, а пресса уже заговорила о самостоятельном польском государстве.

А события 27 ноября породили еще большую неопределенность. Французские публицисты стали озвучивать самые неожиданные сценарии развития династического кризиса. Первый из возможных — вооруженное противостояние между братьями, об этом 24 декабря писали в «Журналь де Деба» со ссылкой на английскую газету «Таймс»: «Константин пойдет во главе российской армии против Николая, у которого, по его словам, 60 000 гвардейцев и дворянство»<sup>72</sup>. Причем в этом же номере сообщается о прибытии двух экстраординарных курьеров, одного к министру иностранных дел, другого к российскому послу, и дается достаточно нейтральный рассказ о всеобщем трауре в связи со смертью императора.

<sup>67</sup> Journal des débats politiques et littéraires. 30.VII.1825.

<sup>68</sup> Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 18 декабря 1825 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 521. № 104. Л. 395–395 об.

<sup>69</sup> Lettres de Metternich à Lebzeltern (Vienne, ce 10 janvier 1826). С. 317.

<sup>70</sup> Ангран П. Указ. соч. С. 99.

<sup>71</sup> Journal des débats politiques et littéraires. 19.XII.1825.

<sup>72</sup> Journal des débats politiques et littéraires. 24.XII.1825.



Весьма быстро доминирующее положение в риторике занял сценарий возможной сделки. 30 декабря издание «Конститусьонель» сообщило: «Константин, вкладывающий все свои амбиции, чтобы возвысить трон Польши, отправляется в Петербург только для того, чтобы договориться о восстановлении этого королевства и отречься от империи»<sup>73</sup>. В последние дни 1825 г. и в первые дни 1826 г. об этом говорили всё увереннее и увереннее. 3 января в том же «Конститусьонель»: «Если верить в то, что говорят в салонах Санкт-Петербурга, отречение императора Константина в пользу его брата, великого князя Николая, было лишь условленной позицией, как это анонсировали некоторые газеты. Как же поверить в то, что князья согласятся сами на разделение империи? Что же случится, если эти слухи и все эти рассуждения газетных дипломатов по поводу восстановления Царства Польского окажутся обоснованы, и каковы будут последствия этого события для Европы?»<sup>74</sup>. 5 января в более осторожной газете «Котидьен» читаем: «По поводу престолонаследия ходит много слухов; некоторые предприниматели, получившие особые письма из Варшавы, утверждают, что российская Польша сформирует независимое и отдельное королевство; говорят, что Константин будет управлять этим новым государством»<sup>75</sup>.

Сопоставляя даты сообщений в газетах, следует указать, что их спровоцировали те же слухи, что и содержание депеш испанского и австрийского посланников. Однако здесь следует сделать оговорку о пределах и границах допустимого. Если представители российского высшего света могли обсуждать данный сюжет лишь шепотом, а дипломаты сообщать о нем только в зашифрованных сообщениях (о чем свидетельствуют вышеприведенные фразы Анны Дисброу), то европейские журналисты могли писать открыто, что было им даже на руку: открытость обеспечивала коммерческий успех издания за счет публикации самого жареного слуха.

Таким образом, можно утверждать, что присяга 27 ноября всеми очевидцами была достаточно быстро интерпретирована как первый шаг в борьбе за престол, в этом же ключе рассматривалось и молчание Константина.

В первой декаде декабря в российской столице, пусть это и мало отразилось в российских источниках, в воздухе носилась идея о сделке между братьями, результатом которой может быть независимая Польша под скипетром Константина. Причем аргументы в пользу независимой от России Польши, находящейся под властью одного из Романовых, были существенны. Подобный поворот, как об этом писали в «Журналь де Деба», мог бы быть выгоден прежде всего России: 1) «русско-польские провинции имеют русско-литовское население, сильно отличающееся от поляков»; 2) «масса народу в этих провинциях исповедует православие»; 3) и поэтому «Россия, по всей видимости, рискует малым, возвращая Польше существование полностью независимое»; 4) «и лишь малое число польских провинций сохранили воспоминания о дворянской республике»<sup>76</sup>. Следуя за автором данной заметки, можно утверждать, что, с одной стороны, гипотетическая Польша будет и этнически, и религиозно, и династически близка России, а с другой — она приобретет политическую стабильность, так как ядро, ориентированное на парламентский строй, окажется в меньшинстве. С точки зрения международной политики несомненным преимуществом станет появление буферного государства между великими державами.

Тем временем 10 января Парижа достигли известия о восшествии на престол Николая I и восстании гвардии. Эти последние дни накануне 14 декабря были переполнены тревогой для Николая<sup>77</sup>. 12 декабря он получает послание Константина, в котором

<sup>73</sup> Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 30.XII.1825.

<sup>74</sup> Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 3.I.1826.

<sup>75</sup> La Quotidienne. 5.I.1826.

<sup>76</sup> Journal des débats politiques et littéraires. 4.I.1826.

<sup>77</sup> Вискочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2013. С. 134–146.

отсутствует долгожданный манифест об отречении. 13 декабря он созывает Государственный совет: заседание назначает на 8 часов воскресного вечера, но вынужден прождать несколько часов прибытия великого князя Михаила из Варшавы<sup>78</sup>. И манифестом объявляет о собственном восшествии на престол. К манифесту вместо отречения прилагалось письмо Константина. Юридически повторялась ситуация 1762 г., когда при жизни законного, пусть и некоронованного, монарха кто-то другой издает манифест о восшествии на трон<sup>79</sup>. Николай старательно пытался всех убедить, что Константин был императором и отказался от трона. Именно так эту коллизию восприняла эмоциональная Анна Дисбру: «Константин может говорить все что угодно, но он, безусловно, побывал императором»<sup>80</sup>.

Но прозорливый князь Меттерних сразу же обратил внимание на шаткий статус нового российского монарха: «Манифест императора Николая — хорош, насколько это возможно; я использую эту фразу, так как в приложениях не хватает главного, а именно — акта отречения Константина, провозглашенного императором во всех частях Российской территории. Я понимаю, что Константин никогда не захочет угодить подписанием подобного акта, которыйотяготил бы его нежелательным титулом (отрекшегося императора. — *М.Б.*); это не сможет воспрепятствовать тому, что в случае пришествия второго брата останется лазейка»<sup>81</sup>. В этом сообщении искушенного европейского политика обозначены все нюансы очередного витка династического кризиса: Константин не хочет давать официального отречения, чтобы не утратить своего статуса в Польше, из-за чего законность восшествия Николая вызывает много вопросов. Но здесь Меттерних гиперболизирует происходящее, обращаясь к гипотетической ситуации, — возможной смерти Николая и его сына. Согласно австрийскому канцлеру (как, впрочем, и российским законам): если Константин не отрекался, он остается в очереди наследования. Что бы не предпринял новый император, рядом всегда будет тень еще живого старшего брата.

Для проницательных наблюдателей с восшествием Николая на престол политический кризис не закончился, а вопрос о Польше не был закрыт. Публикации французских газет за 11–14 января были посвящены восстанию. Но уже 15 января в «Коститюсь-онель» читаем: «Но каким должно быть окончательное положение Константина? Отрекся ли он от престола безоговорочно или сохранил за собой право считать его претендентом? Должен ли он оставаться наместником Польши или Польша будет преобразована в независимое королевство?... Мы, конечно, не знаем, должно ли отречение Константина привести к расчленению империи и созданию Польши как независимого королевства»<sup>82</sup>. И здесь в очередной раз используется «*démembrement*» — понятие, провоцирующее в контексте мировой политики явно отрицательные коннотации, но в обиходной речи используемое обычно в значение «раздела наследства» или «раздела имущества».

Публицисты настойчиво продолжали воображать будущую Польшу: «В этом королевстве любой представитель знати мог повязать себя королевской лентой. Великая узурпация, знаменитое разделение Польши... после всего этого жена Константина могла бы стать женой нового Яна Собеского. Благородный человек, который женился на ней, мог бы сесть и разместить ее на троне Ягеллонов. И ее чрево могло бы вскормить нового Пяста»<sup>83</sup>. Это фраза отсылает нас к династическому статусу супруги Константина: если бы он стал российским императором, то ни княгиня Лович не могла бы стать императрицей, ни их

<sup>78</sup> Дело о прибытии в чрезвычайное и тайное собрание Государственного совета государя великого князя Николая Павловича и о прочтении, по занятии места председателя, Высочайшего манифеста о принятии его // РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. 1825 г.: ЧОС. Д. 2. Л. 2.

<sup>79</sup> *Потанова Н.Д.* Указ. соч. С. 159.

<sup>80</sup> Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 72.

<sup>81</sup> *Lettres de Metternich à Lebzeltern* (Vienne, ce 10 janvier 1826). С. 318.

<sup>82</sup> *Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire*. 15.1.1826.

<sup>83</sup> *Journal des débats politiques et littéraires*. 13.1.1826. P. 2.

возможные дети — наследовать российскую корону. Политическая традиция в Польше другая: королями становились многие видные аристократы, а польские короли женились на представительницах шляхты без какого-либо посприяния в правах. И эта риторика приобретает визуализацию посредством образа всеильной Марысеньки, предопределившей успешное правление одного из самых значимых польских монархов. А гипотетический сын артикулируется именем легендарного прародителя династии, правившей в течение почти шести столетий. Таковы были политические антиципации французских публицистов, только что узнавших о востшествии на престол Николая.

Константин вполне мог рассчитывать стать королем независимой Польши, учитывая свое положение и статус в Царстве Польском, брак с княжной Лович и династическую историю. Имя Константина часто ассоциируется в российской историографии с греческим проектом Екатерины II, но еще при жизни его могущественной бабки он изредка репрезентовался как будущий польский король<sup>84</sup>. Поэтому все эти соображения не стоит приписывать исключительно французским журналистам. Обращение к их публикациям заставляет нас еще раз коснуться центрального тезиса монографии Н.Д. Потаповой, утверждавшей, что периодика создавала политический дискурс, который, проникая в Российскую империю, предопределял политический процесс<sup>85</sup>. Рассматриваемые публикации показывают нам сложный диффузионный процесс: первопричиной подобных статей, безусловно, стали петербургские слухи в связи с династическим кризисом. Иностранная пресса в данном контексте представляет собой уникальный источник, зафиксировавший то, что носилось в воздухе, и то, что протагонисты этих событий могли только озвучить, но не написать.

Возвращаясь к письму Меттерниха и его мыслям о судьбе младшего из великих князей — Михаила, мы можем обнаружить несколько сценариев развития династического кризиса, связанных с его именем. Паес де ла Кадена сообщал, что, если «снова Константин будет настаивать на отказе [от престола], в таком случае будет необходим соответствующий манифест; или он, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, согласится [принять престол] и тогда подтвердит своей приезд, в таком случае будет очень вероятно, что его любимый брат великий князь Михаил наследует его полномочия в Царстве Польском»<sup>86</sup>. Испанский посол предполагал, что Николай потерпит полный крах в борьбе за престол. И тогда империю унаследует (вопреки своему желанию) Константин, но даже тогда Польша окажется независимой — ее получит младший брат Михаил. В скобках отметим, что в литературе часто встречаются утверждения о дружбе и привязанности между Николаем и Михаилом<sup>87</sup>, но М.Д. Нессельроде утверждала прямо противоположное. Она так сообщает о реакции Михаила на присягу Константину: «Его радость видеть провозглашенным своего любимца была столь велика»<sup>88</sup>. Данный сюжет подхватили как английские газеты<sup>89</sup>, так и французские. Иногда в контексте вознаграждения для Михаила назывался независимый Крым<sup>90</sup>.

Все это однозначно указывает, что за весь период своего нахождения в составе Российской империи Польша ближе всего к приобретению независимости была именно в дни междуцарствия. Тезис верифицируется начальными шагами Николая. Уже 15 декабря К.В. Нессельроде требовал от российского посланника в Пруссии Алопеуса: «особенно твердо следовать такой линии поведения е. в-во намерен в делах Царства Польского... Постарайтесь же с самого начала рассеять иллюзии, которые могут строить

<sup>84</sup> Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович: биографический очерк. СПб., 1899. С. 165.

<sup>85</sup> Потапова Н.Д. Указ. соч.

<sup>86</sup> ANN. Estado. Leg. 5919. Despacho № 144 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.24). Fol. 4–5.

<sup>87</sup> Выходков Л.В. Указ. соч. С. 105–109.

<sup>88</sup> 14 декабря 1825 г. в письмах графини М.Д. Нессельроде. С. 266.

<sup>89</sup> Потапова Н.Д. Указ. соч. С. 142.

<sup>90</sup> См., например: Journal des débats politiques et littéraires. 4.I.1826.

на сей счет в Берлине»<sup>91</sup>. 16 декабря Стрэнгфорд в специальной депеше, перечисляя всех арестованных, подчеркивал, что «прошлой ночью в тюрьме совершил самоубийство польский офицер»<sup>92</sup>. Мы видим, что польский мотив вызывал настолько сильную тревогу, что инстинктивной реакцией власти было атрибутировать восстание 14 декабря как заговор наподобие европейских, но совершенный польскими офицерами<sup>93</sup>. Как верно отмечала Н.П. Таньшина, для окружения Николая важным было сместить акцент в репрезентации петербургских событий: произошедшее «лишь звено цепи восстаний, никак не связанное с вопросом престолонаследия»<sup>94</sup>. Подобный концепт в первые дни и часы разделяли и присутствовавшие в Петербурге иностранные дипломаты.

Подтверждает это и вся последующая польская политика самодержавия. В данном вопросе в историографии присутствует удивительный консенсус. Н.М. Филатова писала о свертывании всех либеральных начинаний, «которые позволяли надеяться на присоединение к Королевству Польскому западных губерний России»<sup>95</sup>, объясняя данный момент в целом консервативным вектором николаевской политики. Вполне оправданно больший акцент на событиях декабря 1825 г. делал Р. Мальте, указывая, что «царь уже в своем манифесте при восшествии на престол дал понять, что западные губернии должны рассматриваться как неотъемлемая часть империи»<sup>96</sup>. Нам представляется, что этот момент следует обозначить еще четче: польскую политику Николая не мог не предопределить страх времен междоусобицы, страх потерпеть поражение, страх получить независимую Польшу под скипетром своего старшего брата, так и не исключенного из очереди престолонаследия.

Подведем итоги. В статье рассматривается вопрос о восприятии политического кризиса междоусобицы 1825 г. (от получения известия о смерти Александра I до издания манифеста Николая I) европейскими дипломатами. Ценность донесений французского посла, австрийского, английского, испанского и американского посланников сложно переоценить. Сама логика дипломатической службы требовала от них не столько реализовать церемониальный функционал, сколько собирать актуальную информацию, прогнозировать логику развития наблюдаемого. Такие обстоятельства сделали некоторых из них наиболее прозорливыми наблюдателями российских событий. Практически сразу для всего представленного в Петербурге иностранного дипломатического корпуса стало понятно, что за присягой Николая не стоит усматривать исключительно акт рыцарства и благородства. Было достаточно очевидно, что между братьями развернулась ожесточенная борьба: с одной стороны, за престол Российской империи, с другой — за политическое будущее польского государства. Складывая в единую мозаику сообщения, можно утверждать, что Константин в контексте происходящих событий, как минимум, стремился сохранить status quo. Причем общественное мнение полагало, что главной целью была независимая Польша под его скипетром. Подобный сценарий (отделение от России западной окраины) европейские дипломаты стали воспринимать как вполне вероятный уже в первые дни междоусобицы, вскоре их наблюдения стали известны в европейских столицах, и эту риторику подхватили публицисты. Историческое будущее Польши заняло центральное место в европейской новостной повестке, а в России вылилось в оформление концепции о польском мятеже в имперской столице и определило дальнейшую политику самодержавия в данном регионе.

<sup>91</sup> Личное письмо управляющего министерством иностранных дел К.В. Нессельроде посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу // Внешняя политика России XIX и начала XX века. С. 313.

<sup>92</sup> Донесения П. Стрэнгфорда. С. 231.

<sup>93</sup> Белоусов М.С. Депеши испанского посла... С. 369.

<sup>94</sup> Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб., 2021. С. 191.

<sup>95</sup> Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 492.

<sup>96</sup> Мальте Р. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой войны. М., 2020. С. 71.

## Библиография

- Александренко В.* Россия и Англия в начале царствования Николая // Русская старина. 1907. Сентябрь. С. 529–536.
- Ангран П.* Отголоски восстания декабристов во Франции // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 98–116.
- Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой четверти XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
- Белоусов М.С.* Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междоусобия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357–374.
- Белоусов М.С.* Незамеченный дворцовый переворот // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 79–97.
- Борщак И.К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата (по неизданным материалам) // Парижский вестник. 1925. № 69.
- Бушкович П.* Генри Миддлтон и восстание декабристов // Родина. 2015. № 4. С. 98–104; № 6. С. 98–103.
- Высочков Л.В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2013.
- Гончарова Т.Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.
- Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы.* СПб., 1913.
- Записки графа Александра Ивановича Рибопьера* // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 5–36.
- Записки Николая I о вступлении его на престол* // Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 9–35.
- Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского (моя поездка в Россию в 1825 г. и петербургский заговор)* // Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 104–124.
- К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг.* Варшава, 1898.
- Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович: биографический очерк. СПб., 1899.
- Котов А.Э.* Русские самодержцы на страницах трудов С.С. Татищева // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 142–154.
- Кросс Э.* «Подлинные письма из России» в литературно-историческом контексте // Подлинные письма из России, 1825–1828. СПб., 2011. С. 9–20.
- Кучерская М.* Константин Павлович. М., 2013.
- Любеников О.* Во главе «константиновской партии»: Николай Новосильцов во время междоусобия // Родина. 2013. № 5. С. 82–83.
- Любеников О.А.* Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- Мальте Р.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой войны. М., 2020.
- Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006.
- Невелев Г.* Декабристский контекст: документы и описания. М., 2012.
- Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования:* в 2 т. Т. 2. СПб., 1912.
- Панов А.С.* Восстание декабристов в репрезентациях американских современников // Революции и революционный дискурс в США. Ч. 2: Имагология революции и дискурс идентичности. М., 2019. С. 124–135.
- Панов А.С.* Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 39–46.
- Подлинные письма из России, 1825–1828.* СПб., 2011.
- Потапова Н.Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.
- Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- Райнхардт Р.О.* Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 641–651.
- Райнхардт Р.О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х.М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824–1825) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 466–476.



Рахматуллин М.А. Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1828 гг. // Феодализм в России. Сборник статей, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

Сафонов М.М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: актуальные направления исследования. СПб., 2014. С. 84–98.

Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб., 2021.

Татищев С.С. Воцарение императора Николая I. По неизданным источникам Парижского архива министерства иностранных дел // Русский Вестник. 1893. Т. 225. Март. С. 136–167; Апрель. С. 3–30; Май. С. 89–113.

Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 469–518.

Черкасов П. Восстание декабристов глазами французского посла // Родина. 2005. № 12. С. 78–82.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898.

Юрчик Е.Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений — España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2018. С. 169–174.

Black J. Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

Blackwell W.L. Russian Decembrist Views of Poland // The Polish Review. 1958. Vol. 3. № 4. P. 30–54.

Bushkovitch P. Henry Middleton and the Decembrist Revolt // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol. XXXVIII. New York, 2013. P. 131–156.

Disbrowe C.A.A. Old Days in Diplomacy: Recollections of a Closed Century / with a Preface by M. Montgomery-Campbell. London, 1903.

Grünwald C. de. L'Austriche et le décabrisme // Le Monde slave. 1938. Т. 1. № 2. P. 236–250.

Lang D. M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // The American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. № 4. P. 262–274.

Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. Т. VI. 1819–1827. Paris, 1908. P. 229–234.

Lives of the Lords Strangford / eds E.B. de Fonblanque. London, 1877. P. 155.

Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. № 3. P. 286–293.

## References

Aleksandrenko V. Rossiia i Angliia v nachale tsarstvovaniia Nikolaia [Russia and England at the Beginning of the Reign of Nicholas] // Russkaia starina [Russian antiquity]. 1907. Sentiabr'. S. 529–536. (In Russ.)

Andreeva T.V. Tainye obshchestva v Rossii v pervoi chetverti XIX veka. Pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie [Secret Societies in Russia in the First Quarter of the 19<sup>th</sup> Century. Government Policy and Public Opinion]. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Angran P. Otgoloski vosstaniia dekabristov vo Frantsii [Echoes of the Decembrist Revolt in France] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1952. № 12. S. 98–116. (In Russ.)

Belousov M.S. Depeshi ispanskogo posla kak istochnik po istorii politicheskoi kul'tury mezhdustranstviia [The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2020. Т. 65. Vyp. 2. S. 357–374. (In Russ.)

Belousov M.S. Nezamechennyi dvortsovyi perevorot [Unnoticed Coup D'état] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2021. Т. 66. Vyp. 1. S. 79–97. (In Russ.)

Borshchak I.K. Vosstanie dekabristov v osveshchenii frantsuzskogo diplomata (po neizdannym materialam) [The Revolt of the Decembrists in the Coverage of the French Diplomat (According to Unpublished Materials)] // Parizhskii vestnik [Paris Bulletin]. 1925. № 69. (In Russ.)

Bushkovich P. Genri Middleton i vosstanie dekabristov [Henry Middleton and the Decembrist Revolt] // Rodina [Homeland]. 2015. № 4. S. 98–104; № 6. S. 98–103. (In Russ.)

Cherkasov P. Vosstanie dekabristov glazami frantsuzskogo posla [The Revolt of the Decembrists Through the Eyes of the French Ambassador] // Rodina [Homeland]. 2005. № 12. S. 78–82. (In Russ.)

Cross E. "Podlinnye pis'ma iz Rossii" v literaturno-istoricheskom kontekste ["Genuine letters from Russia" in a literary and historical context] // Podlinnye pis'ma iz Rossii, 1825–1828 [Genuine Letters from Russia, 1825–1828]. Sankt-Peterburg, 2011. S. 9–20. (In Russ.)

Doneseniia avstriiskogo poslannika pri russkom dvore Lebtsel'terna za 1816–1826 gody [Reports of the Austrian envoy to the Russian court of Lebzeltern for 1816–1826]. Sankt-Peterburg, 1913. (In Russ.)

*Filatova N.M.* Russkoe obshchestvo i Korolevstvo Pol'skoe v 1815–1830 gg. [Russian Society and the Kingdom of Poland in 1815–1830] // Pol'sha i Rossiia v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the First Third of the 19<sup>th</sup> Century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moskva, 2010. S. 469–518. (In Russ.)

*Goncharova T.N.* Mezhdru Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Frantsii v Rossii (1814–1848) [Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

*Lurchik E.E.* Svidetel' vosstaniia dekabristov: ispanskii poslannik Juan Miguel Paez de la Cadena [Witness of the Decembrist Revolt: Spanish envoy Juan Miguel Paez de la Cadena] // Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur. Tri stoletiiia otnoshenii [Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures. Three Centuries of Relations] – España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / otv. red. O.V. Volosiuk. Moskva, 2018. S. 169–174. (In Russ.)

Iz vospominanii printsa Evgeniia Viurtembergskogo (Moia poezdka v Rossiia v 1825 g. i peterburgskii zagovor) [From the Memoirs of Prince Eugene of Württemberg (My Trip to Russia in 1825 and the St. Petersburg Conspiracy)] // Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i [The Interregnum of 1825 and the Revolt of the Decembrists in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moskva; Leningrad, 1926. S. 104–124. (In Russ.)

K istorii tainykh obshchestv i kruzhkov sredi litovsko-pol'skoi molodezhi v 1819–1823 gg. [To the History of Secret Societies and Circles Among Lithuanian-Polish Youth in 1819–1823]. Varshava, 1898. (In Russ.)

*Karnovich E.P.* Tsesarevich Konstantin Pavlovich: biograficheskii ocherk [Tsesarevich Konstantin Pavlovich: Biographical Essay]. Sankt-Peterburg, 1899. (In Russ.)

*Kotov A.E.* Russkie samoderzhtsy na stranitsakh trudov S.S. Tatishcheva [Russian Autocrats on the Pages of the Works of S.S. Tatishchev] // Russko-Vizantiiskii vestnik [Russian-Byzantine Bulletin]. 2021. № 1 (4). S. 142–154. (In Russ.)

*Kucherskaia M.* Konstantin Pavlovich [Konstantin Pavlovich]. Moskva, 2013. (In Russ.)

*Liubeznikov O. A.* Nikolai Nikolaevich Novosil'tsov – gosudarstvennyi deiatel' imperatorskoi Rossii pervoi treti XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk [Nikolai Nikolaevich Novosiltsov – Statesman of Imperial Russia in the First Third of the 19<sup>th</sup> Century: PhD dissertation]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

*Liubeznikov O.* Vo glave “konstantinovskoi partii”: Nikolai Novosil'tsov vo vremia mezhdutsarstviia [At the Head of the “Constantinople party”: Nikolai Novosiltsov during the Interregnum] // Rodina [Homeland]. 2013. № 5. S. 82–83. (In Russ.)

*Mal'te R.* Pol'skie zemli pod vlast'iu Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi voiny [Polish Lands under the Rule of St. Petersburg: from the Vienna Congress to the First World War]. Moskva, 2020. (In Russ.)

*Mil'china V.A.* Rossiia i Frantsiia. Diplomaty. Literaturnye shpiony [Russia and France. Diplomats. Writers. Spies]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

*Nevelev G.* Dekabristskii kontekst: dokumenty i opisaniiia [Decembrist context: documents and descriptions]. Moskva, 2012. (In Russ.)

*Nikolai Mikhailovich, vel. kn.* Imperator Aleksandr I: opyt istoricheskogo issledovaniia [Emperor Alexander I: Experience of Historical Research]: v 2 t. T. 2. Sankt-Peterburg, 1912. (In Russ.)

*Panov A.S.* Vosstanie dekabristov i perspektivy modernizatsii Rossii v vospriiatii amerikantsev [The Decembrist Revolt and the Prospects of Modernization of Russia in the Perception of Americans] // Rossiia i sovremennii mir [Russia and the Modern World]. 2018. № 1 (98). S. 39–46. (In Russ.)

*Panov A.S.* Vosstanie dekabristov v reprezentatsiakh amerikanskikh sovremennikov [Revolt of the Decembrists in the Representations of American Contemporaries] // Revoliutsii i revoliutsionnyi diskurs v SShA. Ch. 2. Imagologiya Revoliutsii i diskurs identichnosti [Revolutions and Revolutionary Discourse in the USA. Part 2. Imagology of Revolution and Discourse of Identity]. Moskva, 2019. S. 124–135. (In Russ.)

Podlinnye pis'ma iz Rossii, 1825–1828 [Original Letters from Russia, 1825–1828]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

*Potapova N.D.* Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov [Speaking from their Cells. Discourse and Political Strategies of the Decembrists]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

*Pypin A.N.* Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I [The Public Movement in Russia under Alexander I]. Sankt-Peterburg, 1871. (In Russ.)

*Rainkhardt R.O.* Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects // Bylye gody [Past years]. 2021. № 16 (2). S. 641–651.

*Rainkhardt R.O.* Nachalo diplomaticheskoi missii posla Ispanii Kh. M. Paesa de la Kadena v Rossiiskoi Imperii (1824–1825) [The Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain, H.M. Paez de la Caden, to the Russian Empire (1824–1825)] // Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]. 2020. № 11. S. 466–476. (In Russ.)

*Rakhmatullin M.A.* Legenda o Konstantine v narodnykh tolkakh i slukhakh 1825–1828 gg. [The legend of Konstantin in popular terms and rumors of 1825–1828] // Feodalizm v Rossii. Sbornik statei, posviashchennii pamiati akademika L.V. Cherepnina [Feudalism in Russia. A Collection of Articles Dedicated to the Memory of Academician L.V. Cherepnin]. Moskva, 1987. S. 298–308. (In Russ.)

*Safonov M.M.* Dekabrizm i Rech' Pospolitaia [Decembrism and the Polish–Lithuanian Commonwealth] // Dekabristy: aktual'nye napravleniia issledovaniia [Decembrists: Current Areas of Research]. Sankt-Peterburg, 2014. S. 84–98. (In Russ.)

*Shil'der N.K.* Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Alexander I. His Life and Reign]. T. IV. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)

*Tan'shina N.P.* K.V. Nessel'rode: Iskusstvo byt' diplomatom [K.V. Nesselrode: The art of Being a Diplomat]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

*Tatishchev S.S.* Votsarenie imperatora Nikolaia I. Po neizdannym istochnikam Parizhskogo arkhiva ministerstva inostrannykh del [Accession of Emperor Nicholas I. According to Unreleased Sources of the Paris Archive of the Ministry of Foreign Affairs] // Russkii Vestnik [Russian Bulletin]. 1893. T. 225. Mart. S. 136–167; April'. S. 3–30; Mai. S. 89–113. (In Russ.)

*Vyskochkov L.V.* Nikolai I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti XIX veka [Nicholas I and his era. Essays on the History of Russia in the Second Quarter of the 19<sup>th</sup> Century]. Moskva, 2013. (In Russ.)

*Zapiski grafa Aleksandra Ivanovicha Ribop'era* [Notes by Count Alexander Ivanovich Ribeaupierre] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1877. Kn. 2. S. 5–36. (In Russ.)

*Zapiski Nikolaia I o vstuplenii ego na prestol* [Notes of Nicholas I on his accession to the throne] // Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i [The Interregnum of 1825 and the Revolt of the Decembrists in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moskva; Leningrad, 1926. S. 9–35. (In Russ.)

*Black J.* Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

*Blackwell W.L.* Russian Decembrist Views of Poland // The Polish Review. 1958. Vol. 3. № 4. P. 30–54.

*Bushkovitch P.* Henry Middleton and the Decembrist Revolt // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol. XXXVIII. New York, 2013. P. 131–156.

*Disbrowe C.A.A.* Old Days in Diplomacy: Recollections of a Closed Century / with a Preface by M. Montgomery-Campbell. London, 1903.

*Grünwald C. de.* L'Austriche et le décabrisme // Le Monde slave. 1938. T. 1. № 2. P. 236–250.

*Lang D.M.* The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // The American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. № 4. P. 262–274.

*Lettres and papiers du chancelier Comte de Nesselrode.* T. VI. 1819–1827. Paris, 1908.

*Lives of the Lords Strangford* / eds E.B. de Fonblanque. London, 1877.

*Raeff M.* An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. № 3. P. 286–293.